

Андрей Шупов

БУМЕРАНГ

Андрей Щупов

Бумеранг

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421952
ISBN 9785005185143*

Аннотация

«Бумеранг», книга Андрея Щупова, лауреата премии ДЭМ-92 «За лучший российский детектив» продолжает сагу о буднях охрannого агентства «Кандагар». Впервые ветераны агентства сталкиваются с криминальной силой, которой вынуждены уступить. Былые связи перестают работать, прежние покровители робко отворачиваются. Бойцам «Кандагара» приходится не просто отбиваться, а всерьез бороться за свои семьи и свои жизни...

Содержание

БУМЕРАНГ	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	61
Глава 6	68
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бумеранг

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8514-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БУМЕРАНГ

«..Люди не стали жить дольше, но ускорившаяся жизнь накручивает такие петли, что в человеческую жизнь уместается гораздо больше страниц, нежели раньше...»

Лев Кощеев

Глава 1

Взволнованный голос Юрия терзал слух, колокольчиком бился под самым темечком. Таким уж человеком был Юрий Пусвацет, что даже о пустяках не умел говорить без юношеского пыла, а уж новости про своего маньяка пересказывал с такой страстью, с какой, верно, лишь в давние советские времена благодарили за правительственные награды. Рукой придерживая подрагивающий руль «десятки», Мишаня чуть отстранил от уха рокочущий сотовый телефон.

– Погоди, погоди, Юрок, ты что – и сейчас его видишь?

– Ясен пень, вижу! Чего бы я стал тебе звонить!

– И где этот чертов маньяк теперь?

– Да в кустах прячется – прямо под моими окнами!

Только-только нарисовался.

– Может, это кто другой?

– Издеваешься? Я этого урода от пяток до макушки успел изучить. И фотографий штук пять распечатал. Снимки, правда, не самые качественные, но для опознания сгодятся.

– Ладно, верю. И что он сейчас делает?

– Как что? Пока облизывается на студенточек, в настрой должный входит. Я же объясняю: он – гурман,

никогда сразу за дело не принимается. Сначала сеанса вволю насмотрится, слюной изойдет, а там и за дубину свою возьмется.

– Какую дубину?

– Ты дурочку-то не валяй, – ту самую, какая у всех мужиков имеется. Какую же еще? Его хлебом не корми – дай поиграться. Пенсионер-малолетка, блин! Короче, жми сюда, вдвоем его и сграбастаем!

– Ты спятил, Юрий! Я не успею.

– Успеешь, Мишань, слово даю. Ты на машине, верно? Значит, вмиг обернешься. А он этим делом может минут тридцать заниматься. Я специально засекал. Настоящий марафонец!

Шебукин удивленно нахмурился.

– Тридцать минут – это сильно!

– А я тебе что толкую! Потому и нет жалоб от потерпевших. Он же всех насквозь удовлетворяет. Кто на такого заяву писать станет!

– Думаешь, за добавкой приходят?

– Может, и так. Бабья душа – потемки, а марафонцы среди мужиков – звери редкие.

– Тут ты, пожалуй, прав...

– Короче, приезжай, а я тебя встречу. Заодно подскажу, с какого боку зайти. – В голосе Юрия скользнула извиняющаяся нотка. – Я бы его сам схомутал, но уж больно здоровый бычара, а у меня нога до сих

пор в гипсе.

– Правая ударная или левая безударная?

– Какая разница! Чего ты тянешь резину!

– Я не тяну, я уже газую... Только не забывай, у меня в спине тоже осколок. И в груди свинцовой дробы – не меньше пригоршни.

– Только про пригоршню не надо заливать! Я же помню, как тебя к хирургу возили. Значит, должны были вытащить. Хирурги с этим не шутят, свинца в стране нехватка.

– Хватка или не хватка, а вытащили явно не все. Я же чувствую!

– Ну, вызвони кого-нибудь из наших. По дороге подхватишь.

– Ага, у них у всех – либо гипс, либо свинец. Некого мне подхватывать. Димон в Белом доме отдувается, Лосев с семьей – на даче, Маркелыч, жучара такой, на выборах бабки рубит, бдит за наблюдателями, бюллетени караулит. Еще и Кольку Сватова на это дело подговорил...

– Значит, выбора нет. Приезжай сам!

Михаил Шебукин недовольно потер трубкой подбородок, мельком подумал о Валентине Сергеевне, обладательнице замечательной фигуры, толстого кошелька и преуспевающей фирмы. После недавней перестрелки в собственном подъезде тридцатилетняя

бизнесменша воспылала к Мишане по-юношески горячими чувствами и как раз сегодня ждала на скромный ужин. Что-то там у нее снова выгорело – то ли крупная сделка с партнерами по работе, то ли конкурент очередной утоп – словом, надо было отметить, вот Мишаню и приглашали. Ясно было, что торжество будет протекать предельно романтично – с пышным тортом, шампанским, музыкой и ароматизированными свечами, а завершится, разумеется, в постели – под охи и ахи все той же Валентины Сергеевны. Одна мысль об этом вызывала у Шебукина радостную детскую дрожь, и потому Юрий со своим маньяком вынырнул совершенно некстати. И то сказать, если заявлений нет, если даже милиция-полиция глядит на проделки ночного шалуна сквозь пальцы, они-то чего ради должны стараться?..

Продолжая рулить, он вновь прижал трубку к уху.

– Послушай, Юрок, а на хрена нам эта спешка? Ты же сам говорил, будто успел составить график этого уroda. Вот и пусть себе помастурбирует лишний вечерок. Не сегодня, так завтра его прихватим.

– Да в том-то и дело, что сегодня по графику эта горилла живца попытается взять. Это мы с тобой можем терпеть да мучиться, а он не святой. Так что, по всему получается, что спеленает какую-нибудь деваху и оприходует у меня на глазах.

– И пусть оприходуется, если им, дурам, нравится!

– Мало ли что нравится! Ты можешь гарантировать, что этот козел СПИД по городу не разносит или еще какую заразу? И потом... – Юрий замялся. – Вчера женушке моей сестра из деревни брякнула. Они, понимаешь, племянницу решили в город на учебу отправить. И как раз, прикинь, в наш пединститут!

– Вон, чего ты задергался! – Шебукин неделикатно хохотнул.

– А ты как думал! Учись твоя родственница где-нибудь поблизости, тоже, небось, начал бы икру метать!

– Ладно, уговорил – еду. Минут через десять буду.

– Вот и лады! Встречу тебя внизу у подъезда...

***

Если верить знакомым оперативникам, маньяка, промышляющего «свежатиной» вблизи пединститута, органы правопорядка ловили уже второй год. Ловили вяло, без малейшего энтузиазма. Оно и понятно, насильник попался «ласковый», жертв своих на куски не резал, синяков со шрамами не оставлял, а особо строптивым даже совал на посошок деньги. Кому – рублишки, а кому и новенькие евро. Потому и жалоб от потерпевших практически не поступало. Сами студенты один раз попытались отловить «вредителя»,

однако ночной бой завершился вничью. Насильник оказал молодежной дружине стойкое сопротивление, порвал пару рубах, разбил тройку носов и скрылся. Да и не было у ребят стопроцентной уверенности, что били того, кого нужно. Так и получалось, что слухи в народе циркулировали, девицы на лекциях шушукались, а маньяк продолжал навещать родные угодья, не боясь ни полиции, ни студентов.

Вычислить же злодея удалось Юрику Пусвацету. После ранения в ногу боец отлеживался дома, читал книжки и глазел в окно. Институт располагался совсем рядом от дома, и заветная тропка, по которой студентки брели на учебу, была постоянно перед глазами. Ничего удивительного, что дюжего молодца, облюбовавшего местные кущи, Юрий очень скоро взял на прицел. И уже через неделю наблюдений сообразил, что видит перед собой искомого маньяка. Еще через какое-то время вернулись из горячей командировки коллеги из «Кандагара», и Юрик окончательно утвердился в мысли, что в полицию обращаться не стоит, а «шатуна», ломающего молодых девчонок, следует брать собственными силами...

Когда было нужно, Михаил Шебукин умел держать слово. Другое дело, что слово он дал сегодня сразу двум сторонам – Юрику Пусвацету и своей подруге Валентине Сергеевне. Собственно, на ее машине

он сейчас и раскатывал. Оформить по доверенности эту игрушку богатенькой даме было проще простого. Очень уж не любила Валечка, когда Мишаня опаздывал на свидания – вот и снабдила транспортом. Тем не менее, Юрий был не просто другом, а еще и боевым товарищем, а посему ждать не мог, – женщинам же ждать полагалось от природы. Именно по этой причине в выборе своем Мишаня колебался недолго и, чуть погодя, уже мчал машину в направлении пединститута. Звонить бизнесменше он также не стал, понадеявшись, что с маньяком управятся быстро. Все-го и делов-то – скрутить одного-единственного огло-еда. Как ни крути, а мужиками они были опытными, в операциях захвата участвовали не один десяток раз. К тому же в левом кармане у Мишани покоился тро-фейный кастет, а в кобуре под мышкой дремал вполне законный «Макаров». С такими помощниками грех было меньшеваться, а Юрка был парнем грамотным, хоть и с фантазиями. По крайней мере, версиям его по поводу маньяка можно было вполне доверять.

Еще через десять минут он был уже на месте, и ко-выляющий с палочкой Юрий вел его загадочными тропами прямо к цели.

– Ну, ты и надушился! – он то и дело поглядывал на Мишаню. – Никак ориентацию поменял?

– Дубина, это лосьон! – Шебукин нахмурился. – Нор-

мальный мужской лосьон.

– На свидание, что ли, ехал?

– В том-то и штука. А тут ты со своим звонком. Пришлось переть через твои джунгли прямо в туфлях и костюме.

– Я-то тут причем? Институт здесь уже год, как аллею собирается прокладывать.

– И где она – твоя аллея?

– Где-то примерно тут. То есть, начать-то начали, но как обычно деньги кончились. Половину деревьев повалили, вторую оставили – вот и получился винегрет: грязь, бурелом плюс общественная уборная.

– Где он хоть – институт твой?

– А вон, видишь, стеклянный фасад краешком торчит между деревьев? Это и есть УРГПУ.

– ГПУ, говоришь? – Шебукин фыркнул. – Звучное название!

– Чего смеешься! Не я переименовываю наши институты.

– А кто?

– Откуда мне знать! Но точно – не академики. Раньше-то у нас и впрямь аббревиатура была звучной – УПИ, УЭМИИТ, САИ. Музыка, а не названия! А что сейчас? – Юрик фыркнул. – УРГАПС, УРЮИ, УРГПУ, АЖОПС...

– Даже АЖОПС?

– А ты как думал! – Юрий поднял руку. – Теперь давай тише, близко уже...

– Ты, главное, не заблудись.

– Не заблужусь, не волнуйся...

Споткнувшись о бревно, Мишаня едва не растянулся на земле, – Юрий и впрямь вел его через непролазные заросли, заставляя собственным лицом разгребать липкую паутину, начищенными туфлями ступать в топкое и пахучее. Самое обидное, что и ругаться в полный голос было уже нельзя. Его спутник то и дело оборачивался, выразительно пуча глаза, прижимая палец к губам. Когда же за шиворот Мишане свалилась очередная козявка и терпение его готово было лопнуть, рука товарища взволнованно указала куда-то вперед.

– Стой!.. – шепотом приказал он.

– Что там еще?

– Да тащит уже! Не видишь, что ли?

– Кого тащит? – не сразу сообразил Шебукин.

– Девку, ясен пень! Сцапал уже – и в заросли тянет!..

– Е-мое! – малорослый Шебукин вытянул шею, пытаясь рассмотреть разворачивающееся действо, но сгущающиеся сумерки явили лишь мутное, грузно передвигающееся впереди пятно. Что и говорить, лесочек вблизи института был невелик, но в темноте и он казался гуще самой дремучей тайги.

– А ведь так даже лучше! – горячо зашептал Юрий. – Возьмем это чувырло с поличным – прямо на бабе. Хрен, он у нас отмоется.

– Он-то, не знаю, а мы с тобой – точно не отмоемся... – на этих самых словах Шебукин вновь ступил в липкое. Поморщившись, ругнулся.

– Чего говоришь? – Юрий повернул голову.

– Хватит, говорю, говно месить! – Михаил вырвал из кобуры пистолет. – Пошли брать твоего уroda!

– Так ведь даже еще не начали! – Юрий попытался ухватить его за руку, но, разваливая хитроумную комбинацию товарища, Шебукин ринулся вперед и, ломая кусты, в несколько прыжков вывалился перед огромным детиной.

Юрий ничуть его не обманывал. Насильник и впрямь был здоров, а от свершения зловещего акта его отделяла самая малость. Девушка (прямо скажем – не такая уж хрупкая) свисала у него с плеча, а юбка на ней была уже задрана. Никаких звуков она при этом не подавала, – должно быть, богатырь ее малость оглушил.

– Стоять! – гаркнул Михаил. – Стоять, я сказал!

То ли крохотного пистолетика противник в сумраке не разглядел, то ли попросту пренебрег угрозой, но останавливаться он не стал. Вместо этого легким толчком швырнул свою ношу в Михаила и боком ныр-

нул в заросли. Будь Шебукин один, маневр принес бы насильнику чистую победу, но этого уже не мог допустить Юрий. Не для того он выслеживал насильника столько времени, тратя на него собственную фотопленку и составляя временные таблицы. Обиженно зарывчав, Юрий прыгнул следом за убегающим и уже в падении умудрился сграбастать чужую ступню. Захрустели сминаемые ветки, и по земле покатались два перекрученных, шумно отпыхивающихся тела. Юрик бил кулаками и гипсом, насильник предпочитал молча душить. Силища у него действительно была медвежья, и если бы не помощь Мишани, предсказать исход схватки было бы крайне затруднительно. Мог бы, пожалуй, и шею свернуть, и зубы выдавить, однако не довелось. Шебукин, успевший к этому времени прокатиться по грязной земле, а потому вконец разъяренный, церемониться с любителем ночных шалостей не стал. Угадать, кто есть кто, было не столь уж сложно, поскольку насильник, разумеется, восседал уже сверху, вовсю охаживая кулаками несчастного Юрика.

– Ах, ты тварь! – Шебукин скакнул вперед и что было сил навернул рукоятью пистолета по затылку мужчине. Удар был крепок, но еще крепче оказался затылок ночного великана. Взыв, громила взмахнул ручищей и разом смел Михаила на землю. На но-

ги успели подняться одновременно, и любитель женщин немедленно бросился в атаку. Огромный кулак его по дуге полетел в цель, но Мишаня не стал дожидаться и, поднырнув под чужую руку, в свою очередь ввинтил ступню в неприятельский пах. Не угадал лишь самую малость, и мясистая ладонь ночного авантюриста немедленно хлестнула Шебукина в челюсть. Хлестнула так, что из глаз Мишани посыпались искры. Впрочем, добить противника насильнику не позволил Юрик.словно бульдог, он вновь вцепился во врага, продолжая намолачивать упакованным в гипс коленом.

– Ну, ты меня достал... – поднявшись на дрожащие ноги, Михаил с решительностью спустил предохранитель, злым движением передернул затвор. – Предупреждаю, первую пулю пускаю в ногу! Второй отстрелю на хрен твое мужское естество...

– Не надо!!! – от коварного толчка сзади Михаил вновь чуть было не оказался на земле. Пожалуй, эта атака оказалась самой злой. Град ударов посыпался на голову Шебукину, острые ноготки принялись покусывать лицо и шею. Ослепнув от сыплющихся оплех, Михаил даже не понял, как нажал на спуск. Выстрел гроыхнул не то чтобы громко, но именно он отрезвил дерущихся. Мгновенно поменявшись местами с насильником, Юрик придавил его сверху, умело

выкрутил руку. Девушка же, столь дерзко набросившаяся на Шебукина, хныкая, ерзала на земле. Чувствуя, как стремительно холодеет в груди, Михаил на негнущихся ногах шагнул к подстреленной дамочке.

– Не дрейфь, Мишань! Ты ей только ляжку прострелил! – Юрий наконец-то защелкнул на могучих руках наручники, устало вздохнул. – А я ведь узнал эту дуру! Уже не первый раз перед ним задом вертит. В смысле, значит, сама провоцирует. Пожалуй, что и сговором попахивает, а?

– Пожалуй, что так... – Шебукин растерянно провел ладонью по расцарапанному в кровь лицу.

– Значит, обоих голубков привлечем!

– Это за что же? – взвизгнула девушка.

– Как за что, – за изнасилование, – Юрий поднял голову и, с запозданием осмыслив сказанное, в растерянности оглянулся на коллегу. – Черт! Думаешь, не прокатит?

– Я думаю, что вообще зря сюда приперся. – Мишаня вновь коснулся оцарапанной физиономии, болезненно сморщился. – И морду испортил, и вечер поломал...

На лицо ему капнули первые дождевые капли.

– Давай-ка, Юрок, собирать манатки. Боюсь, минут через пять хлестанет настоящий ливень. А тогда от моего праздничного прикида останется одно вос-

поминание...

Глава 2

Струи барабанили по крыше, вертялыми дорожками проливались по лобовому стеклу. Дворников Стас Зимин не включал, – с некоторых пор он с удивлением обнаружил, что стал относиться к дождю с особенным чувством. Дождь был братом и дождь был другом, – он смывал кровь с тротуаров, маскировал уличные шумы и разгонял по домам непоседливых людей. Небесное накрапывание приносило странное – почти вселенское успокоение, позволяло верить в то, что Бог все еще помнит о земле, бережно поливая ее из небесного дуршлага, шелестом капель нашептывая добрые едва слышимые истины. Дождь заменял собой тишину, помогая не только думать, но и мечтать.

Странно, но Зимин, успевший похоронить несколько десятков друзей и приятелей, давно свыкнувшийся с наличием чужеродного металла в собственном теле, продолжал мечтать о несбыточном. О путешествиях под парусом, о пузатых дирижаблях и далеких планетах. Кто знает, может быть, именно земные ассенизаторы на деле являют собой самых закоренелых мечтателей. Копаясь в дерьме, трудно не мечтать о чем-нибудь более возвышенном. Стасик же Зимин вот уже на протяжении полутора десятка лет работал ассени-

затором. Во всяком случае, мысленно свою работу он никак иначе уже не называл. При этом в равной степени не испытывал ни гордости, ни стыда. Поскольку отлично понимал: кто-то должен разгрести людское дерьмо, и так уж вышло, что у него, у Димки Харитонова и Тимофея Лосева это получалось лучше, чем у других. Он мог бы нагородить уйму витиеватых доводов в пользу необходимости своей профессии, но ни уголовные законы, ни высокие материи с рыцарскими кодексами здесь были совершенно ни при чем. Стас и его друзья попросту разгребали дерьмо – только так и не иначе...

Из темноты, сдобренной косыми высверками дождя, показалась знакомая фигура в плаще. В стекло машины дважды стукнули, и Стас отворил дверцу. Гибкой змеей Марат проскользнул в кабину, энергично взмахнул руками, стряхивая влагу.

– Порядок на корабле! Клиент на месте и, кажется, уже занят делом.

– Подумать только! – Стас удивленно покачал головой. – Даже в такой ливень кому-то охота заниматься трахом!

– А непогода таким вещам никогда не препятствовала. Скорее, даже наоборот.

– Не знаю... Я бы лучше дома сидел с книгой или у телевизора.

– Это ты сейчас так говоришь, а лет десять назад никакой телевизор тебя бы не удержал. Да и что там смотреть? – Марат поморщился. – Что ни включи – одно и то же. Либо горло дерут да спорят, либо сериалы с пальбой. Крутые уокеры месят еще более крутых нигеров. А наша славная эстрада – та и вовсе в голубятню превратилась. Даже Кобзон – уж какой вроде молодчага – и тот поет с кем ни попадя... Нет, Стасик, нам Алиева надо было в свое время в президенты выбирать. Его, а не Мишу Горбачева.

– Кто нас спрашивал?

– Понятно, что никто, только, в самом деле, интересно, что бы сейчас вышло? Может, и воевать бы не пришлось, а? Ни в Молдавии, ни в Чечне...

– Не знаю, Алиев – мужик зубастый был, это верно, – может, и впрямь не пришлось бы.

– Вот-вот! И СССР бы сохранили, и друзей за кордоном. Нам ведь только старичков из ЦК нужно было подвинуть, чтобы не болтуны там сидели, а люди с мозгами вроде Косыгина и Алиева.

– Ну, это ты уже сказки плетешь! Когда у нас было такое – чтобы, значит, не болтуны да еще с мозгами... – Зимин решительно хлопнул себя по кобуре, тут же ощутил, как заныло простреленное ребро. Даже самые удачные из хирургических операций следует залечивать на курортах, – его же стародавним ку-

портом был холодный Урал.

– Чего сморщился?

– Ничего. Почесали языками – и хватит. Пошли, братец, снова под дождь. Пора денежки заказчика отрабатывать.

– Разве я против? – Марат без особой охоты застегнул на себе плащ.

– С кого начнем-то? – Зимин кивнул за окно. – С хозяев?

– Лучше, конечно бы, с них, а то могут стрельбу с перепугу открыть.

– Ты шутишь?

**– Чего мне шутить! Это, конечно, не люксовский бордель, но обстава ничуть не хуже центральных при-
тонов. И прејскурант свой имеется, и охрана.**

Стас на это только покачал головой.

– Ну и где они – твои хозяева?

– В сером «Ситроене», справа под тополями. Раньше там еще мент прикормленный пасса, но в такой дождь, думаю, он где-нибудь в тепле отсиживается.

– А Гуся?

**– Степан Гуслин сюда еще раньше должен был под-
рулить. Обещал встретить прямо возле машин.**

**– Это хорошо. Все-таки одним стволом больше...
Много их там?**

– В «Ситроене» трое. Водила, охранник и баба.

– Она-то там что делает? Запасным игроком дежурит?

– Может, и так. – Марат криво усмехнулся. – А может, досуг этим гаврикам скрашивает.

Чуть поевжившись, Стас огляделся.

– А кто в других машинах? Тоже охрана?

– Если верить Гусле, там бойцов больше нет. Это у них вроде номеров. Платишь сутенеру, а он уже указывает свободную тачку с телкой, – идешь туда и оттягиваешься. Удобства, конечно, не великие, но, видимо, есть любители и на такую экзотику. Темно, украдкой да еще черт-те где. Степа рассказывал, что среди клиентуры даже иностранцы попадаются.

– Да брось! Какие у нас иностранцы?

– Отчего же, попадаются – и амеры с фрицами, и югославы с финнами. Китайцы опять же...

– Да уж... Без китайцев нынче нигде не обходится, – Стас надвинул кепку поглубже на глаза, сумрачно вздохнул. – Что ж, пора и нам чуток оттянуться. Двинули!

Распахнув дверцу, он первый вышел под дождь...

***

Заказ был не ахти какой, но дабы не терять квалификацию, приходилось работать и по такой чепухе.

Особенно после долгих перерывов, когда на охранном рынке наступало временное затишье. Данный случай был особым – работы обещалось немного, деньги же заказчица платила вполне приличные. Кроме того, обещали содействие местные пинкертонеры в лице участкового Гуслина Степана Александровича. «Стоянка любви», которая, кочуя по городу, успевала обслуживать астрономическое количество клиентов, давно навязла у всех в зубах. Мало того, что никакого контроля за ней не было, так еще и людишки там по слухам начали пропадать. И то сказать, чего проще – почистить клиента, по своей воле забравшегося в авто, тюкнуть по темечку, а тело спустить в ближайший пруд. И хрен кто докажет, что терпила утонул не по собственной вине.! Более же всего интриговал «кандагаровских» служащих тот момент, что на чистую воду обиженная заказчица собиралась вывести не мужа, а любовника. Именно он, по ее словам, периодически посещал «стоянку любви» изменяя ей с «падшими шалавами».

– Я ведь ему, гаду, квартиру купила, сколько бабла на карты перевела! – долбила она кулачком по столу начальника охранного агентства Дмитрия Харитонов. – Костюмы, мебель, путевки за границу – все за мой счет! Так нет, ему, коту драному, и этого мало! На сторону стал бегать. И к кому?! К шлюхам дешевым!..

Про шлюх «дорогих», как и про ее собственного обманутого мужа начальник «Кандагара», Дмитрий Харитонов, благоразумно спрашивать не стал. Кстати, про муженька клиентка вовсе не поминала, – это уже после Маратик сумел пробить по своим каналам. И не взялись бы они за это пакостное дельце, но Харитонов обзвонил друзей из полиции и неожиданно выяснил, что интересы общества в данном случае целиком и полностью совпадают с интересами «Кандагара». Во всяком случае, хозяев «Стоянки любви» ребята из правоохранительных органов тоже не сегодня-завтра намеревались повязать. Как ни крути, а обижаться им было на что. Главной крышей российских жриц любви во все времена являлась крыша ментовская. Так было всегда – даже в достопамятные советские времена, когда в гостиницах и на вокзалах уличные красотки добросовестно делились заработком с хозяевами сержантских лычек. В данной ситуации полиция чувствовала себя жестоко обманутой. Самозванцы со «Стоянки любви» ни профсоюзных, никаких иных взносов не платили и, переезжая из одного района в другой, всякий раз оставляли местные РОВД с банальным кукишем и серией мутных дел – вроде ограбленных мужичков и откровенных «потеряшек». Возможно, имелись бы под рукой свободные люди, «стоянку» прикрыли бы в два счета, но как все-

гда свободных людей катастрофически не хватало, а задействовать силы ОМОНа на столь сомнительную операцию начальство не решалось.

– Шуму много, а толку ноль! – объяснял Марату Степан Гуслин. – Еще и телевидение, не дай бог, нагрянет, – они подобные темы любят освещать. Конечно, мы тоже можем подогнать народишко, из автоматов в воздух пошмалять, только что мы и кому предъявим? Формально-то никто ничего не нарушает, – стоят себе машинки на нейтральной территории, фарами светят, музыку в салонах гоняют. И то, что под этот музон парочки непотребством занимаются, так и это законом не запрещается. Как говорится – частное право каждого. Тут, чтобы прищучить всю гоп-компанию, целую операцию затевать нужно – с подробнейшим сбором информации, со свидетелями и скрытыми видеокамерами. Ясно, что никто такой бодяги не санкционирует.

– А сами-то не пытались взять их под крышу? – интересовался Марат.

– Мы – нет, а вот смежники пытались. Наезжали, пугать пробовали.

– И что?

– Не прокатило. Эти хитрованы отзвонились кому-то наверх, и тут же адвокатишка шустрый гарисовался, начал волну гнать, на шишек каких-то ссылать-

ся, ОБЭПом угрожал – наши и поприжали хвостишки.

– А сейчас что изменилось?

– Да ничего. Разве что вы объявились. Вот и решили под вашим соусом все это гнездышко разворошить.

– Ага, вроде как не вы инициаторы!

– А что такого... С официальной стороны, если что, прикроем, и вы своего голубка прищучите. Словом, замутим омуток – глядишь, и переловим этих чертей...

Выслушав такую диспозицию, Дмитрий Харитонов, только сокрушенно вздохнул. Официальное прикрытие в виде одного-единственного младшего офицера особых надежд не внушало, а потому сказать было нечего. Впрочем, до чертовой стоянки рано или поздно сумели бы дотянуться, – другое дело, что сейчас всем было не до того. Вкупе с прочим населением города полиция участвовала в предвыборной сваре, по мере сил воевала за благосклонность электората. Дрались за пенсионеров и умалишенных, боролись за голоса зеленых студентиков, сидящих на зоне экзов, доверчивых заводчан и рядового состава армии. Временно на любовь, пусть и вполне конвертируемую, не обращала внимания даже пресса. Еще удивительнее, что им дали в помощь Гуслю. Точнее говоря, в распоряжение «кандагаровцев» предоставил себя

он сам. Полноватый этот мужичок давненько уже заведовал участком, на котором угнездилась «Стоянка любви», и полицейский имел все основания предполагать, что одной любовью хозяева стоянки не ограничиваются. На свой страх и риск он пытался вести наблюдение за машинами, окончательно укрепившись в предположении, что дело тут нечисто. Очень уж «навеселе» уходили со стоянки иные клиенты, а порой и в машинах проводили всего-то по паре минут.

– Что-то тут другое, точно вам говорю! – вещал он Марату с Зиминим. – И по уму – надо бы последить за ними недельки две, а то и три. Чую – такого карпа выловим, чертям тошно станет! У вас же имеется специальная аппаратура, – вот и давайте установим на машинах пару микрофончиков, скрытую камеру поблизости организуем. Голову об заклад даю – любовью там не пахнет. А пахнет, может быть, каким-нибудь кокаином или героином...

Честно говоря, фантазеру лейтенанту не очень-то поверили, потому и от прослушивания решительно отказались. Аргументы при этом привели знакомые, сославшись на нехватку людей, денег и времени. При этом душой особенно не кривили – и первого, и второго, и третьего у частного охранного агентства, действительно, недоставало. Конечно, денежки порой зарабатывали шальные, но и они в закромах надолго

не задерживались. То банковские сообщества прогнали, то вновь подлетала арендная плата, то требовалось помочь очередному детдому. Уж на это они никогда не скупились, – сказывалось детство самого Харитона, проведенное без родителей в полунищем холодном и сыром интернате. Впрочем, наедине с самим собой Зимин готов был признать: всеобщая коммерческая червоточина успела дотянуться и до них. С некоторых пор Стас замечал, что изворотливый ум, не спрашивая разрешения, автоматически переводит все на деньги – услуги, время, лечение, эксплуатацию мозгов и аппаратуры. Такие мыслеформы диктовал политический курс страны, диктовала сволочная жизнь. Пожалуй, заплати им заказчица за своего кобелька сумму поприличнее, можно было бы чуточку поднапрячься, но задание им оплатили вполне конкретное и посильное: проследить, уличить и взять «горяченьким» на чужом теле. В смысле – на месте преступления. А потому пылкие уговоры долговязого Гусли пропали втуне...

– Ну, и где он?

– Ты про «Ситроен»?

– Я про Гуслина?

– Откуда мне знать? – Марат пожал плечами. По лицу его беспрерывно стекали дождевые капли, и, казалось, он все время плачет. – Говорил, здесь встретит.

Может, куда отлучился?

Стас хмуро взглянул на часы. Зеленоватая стрелка вплотную приблизилась к десятичасовой отметке. Именно на десять запланировали начало операции, а в таких делах опаздывать грешно и опасно.

– Хмм... Ну, а где трудится любовничек нашей дамы?

– Вон в ту «Тойоту» забрался. Крайнюю слева. – Марат кивнул в сторону выстроившихся полукругом машин. – Только он, если верить Гусле, быстро оттуда не выскакивает, обычно сидит плотненько. Так что можно немного подождать.

– Нет, Гуслю мы ждать будем... – Стас пожевал губами. – Начнем прямо сейчас. Подойдет позже – хорошо, а нет – справимся без него. Наш клиент тут, а для нас это главное. У тебя есть деньги?

– А как же! Предупрежден, значит, вооружен. – Марат с ухмылкой извлек из-за пазухи с десяток стодолларовых купюр. – Прямо сегодня и нарисовал, на домашнем принтере.

Зимин покачал головой.

– Ох, пролетишь ты когда-нибудь со своим художеством!

– Пока Бог миловал. Или прикажешь свои кровные на эти дела тратить? Ну, уж хренушки!

– Ладно, клиента буду изображать я, – хищным дви-

жением Стас вырвал купюры из пальцев коллеги. – Короче, так: ты – на страховке, я толкую с хозяевами. Смотри по сторонам, держи ствол наготове. Покажется Гусля, не шмальни в него ненароком.

– Обижаешь!

– Не обижаю, – предупреждаю. В такой дождь всякое может случиться.

– Зато и следов никаких не останется.

– Тоже верно, – Стас зябко передернул плечами. – Ладно, я пошел. А ты зайди сзади и на всякий пожарный пропори шины. В смысле, значит, «Тойоте».

– Может, и «Ситроен» стреножить?

– Не спеши. Наша первая задача – клиент. А там посмотрим.

– Как скажешь, начальник, – Марат достал из кармана складной нож, но вместо лезвия выщелкнул шило. Опытный был малый, ничего не скажешь! – Будут еще какие пожелания?

– Никаких. Понадобишься, дам знать. Работай, маэстро! И смотри – чтобы аккуратненько!

Хлопнув соратника по плечу, Зимин сдержанным шагом направился к скучающему под тополями автомобилю. Машин на этом бесхозном пятачке насчитывалось около десятка, однако «головное» авто выделялось наличием на крыше шеренги дополнительных фар. Наверное, для того и поставили, что-

бы подсвечивать задремавшим любовникам, напоминая о неумолимо тикающем времени. Как говорится, секунда – цент, а ночь – уже центнер. Во всяком случае, можно было всерьез усомниться, что скромные инженеры в поисках любовных утех посещают подобные места. Парадокс последних лет в том и заключался, что жить бедным было по многим статьям здоровее. Ни тебе холестериновых тортов, ни вредного бразильского кофеина, ни канцерогенных копченостей, ни замысловатых вензаболеваний. Бедные довольствовались цикорием, гречневой кашей и изученным до последней складочки телом родной жены. Некоторое однообразие компенсировалось сверхурочной работой, а жизненную энергетику подстегивали злые мысли о хлебе насущном...

Уже вблизи «Ситроена» Стас Зимин подумал, что неплохо было бы попросить у заказчицы надбавку за сырость и позднее время, ну, да что уж теперь... Тем более на надбавку следовало еще заработать.

Глава 3

Уж если день не задался с утра, то обычно так и хромает на подгибающихся ноженьках до самой ночи. Дмитрий давно заметил, что бывают дни нормальные, бывают счастливые, а бывают и такие – невезучие с самых первых минут пробуждения. Он даже заранее научился их вычислять – по мельчайшим нюансам вроде неурочного телефонного звонка, недобрых снов или подгоревшей каши. А сегодня у него высыпало все разом – и с Дианой поругались из-за пустяка, и чай оказался подделкой, и каша чертова подгорела. Пришлось вскрывать банку с салатом из морской капусты, и, конечно, в капусте оказались омерзительно пахнущие катышки – не то куски сгнившей рыбы, не то какие-то черви. Выругавшись, Дмитрий выбросил банку в мусорное ведро. Десять лет капитализма положительно не пошли России в прок. Страна курвилась и гнивала – и если бы только с головы. Как гнали брак в старые советские времена, так продолжали гнать и теперь. Зато цены накручивали чуть ли не каждый месяц. И воровать стали не в пример больше – уже даже не составами, а целыми территориями, на которых впору было создавать свои государства. Чиновники из скромного сословия преврати-

лись в элиту, торгуя участками под дома и дачи, отдавая рейдерам промышленные предприятия. Аферисты покрупнее – распродавали гектарами лес, направо и налево спускали за гроши цветные металлы и всевозможные углеводороды. Народом все больше овладевала апатия. Верно говорят: привыкнуть можно ко всему, – вот и к нынешнему беспределу, похоже, начинали привыкать. Ну, а те немногие, что не могли привыкнуть, спасались юмором, посещая концерты Задорнова и Жванецкого...

На пути к офису также не обошлось без сюрпризов. Двое пацанят с размаху швыряли в Исеть бутылки и, притормозив, рядом Дмитрий не удержался, вышел посмотреть. Оказывается, малолетки пытались подбить леща. Глистатая рыба никак не могла уйти в глубину, крутясь огромным чешуйчатым телом у самого берега, безуспешно ныряя и вновь всплывая на поверхность. В нее-то и швыряли бутылками сорванцы. Обычно детишкам Харитонов нравился, но с этими детьми общаться почему-то не хотелось. И нравиться им тоже не хотелось. Была в их чумазных личиках некая жестокая ущербность, и почему-то сразу представилось, как эти же самые малолетки года через три-четыре с таким же азартом будут запинывать прохожих или рвать сумочки у бабулек. Не ради тощего кошелька – исключительно из спортивного интере-

са.

Заранее морщась, Дмитрий шагнул к ребяткам, но, увы, как и следовало ожидать, короткая душеспасительная беседа успехом не увенчалась. Стоило Харитонову отвернуться, и в воду полетела очередная бутылка. Вспылив, Дмитрий подхватил ближайшего пацаненка за пояс, одним махом перебросил через чугунную оградку. Разумеется, парнишка не утонул, но ор поднял приличный. Справа и слева начали останавливаться прохожие, какие-то женщины немедленно взвыли, высказывая в адрес Дмитрия самые нелестные пожелания. Пришлось прятаться в машину и задавать стрелкача. Еще хорошо, что не запустили вслед бутылкой. Как в того же несчастного леща. У гарлемов свои законы, а родной город под тяжкой опекой господина Муратова медленно, но верно превращался в гарлем...

Секретарша Леночка все еще догуливала в отпуске, а потому главная неприятность случилась без нее. Стоило Дмитрию ступить за порог кабинета, как под ногами отчетливо хрупнуло. Приглядевшись, он рассмотрел, что весь ковер усыпан сверкающим стеклянным крошечком. Ночью, кто-то разбил окно – видимо, из ревностных поклонников «Кандагара», и, поморщившись, Харитонов отправился на кухню. Подхватив веник с совком, вновь вернулся в кабинет и,

склонившись над ковром, похолодел. Закатившись за массивную ножку двухтумбового стола, на полу покоилась крутобокая, напоминающая маленький ананас граната. И раньше, и теперь такие называли лимонками...

Быстро оглядев комнату, Дмитрий приблизился к гранате, осторожно присел на корточки. Никаких растяжек и никаких дублирующих фокусов. Осторожно взяв гранату в руку, быстро вывинтил рукоять взрывателя, внимательно осмотрел. Нет, не учебная. Вполне боевая. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: пока их только предупреждали. Гранату подбросили к самому столу, но чеку при этом не тронули, хотя ясно было – решились бы подорвать офис, так бы и сделали. Значит, действительно хотели только предупредить. А вот в следующий раз – и чеку, надо думать, не поленятся вырвать, и с автоматиками встретят на выходе – так сказать, для контрольного приветствия...

От вызова в Белый дом Харитонов также не ждал ничего хорошего, и все же действительность оказалась намного хуже. Начать с того, что принял его Санин Валерий Аркадьевич не в своем представительском кабинете, а в комнатке для служебного персонала. Именно здесь, судя по переполненной пепельнице и следам на столе, секретари с уборщицами часа-

ми распивали чай, засиживаясь в ожидании вызова. Сюда же привел Харитонова и Санин. Впрочем, возможно, руководствовался он не вельможным табелем о рангах, а самой банальной нуждой в секретности. Как известно, микрофоны чаще помещают в кабинеты и спальни, но никак не на кухнях. Словом, начало беседы добра не сулило, и, устроившись на высоком стуле, Дмитрий сразу изготовился к обороне – все равно как ученик в ожидании учительской нахлобучки.

– Ну, как, хорошо отдохнули? – глаза чиновника глянули пристально и в упор. Спрашивал он с явной подначкой, но отчего-то Харитонова поразил больше не вопрос, а вид Валерия Аркадьевича. Кожа на лице первого заместителя председателя областного правительства отчетливо напоминала старый, побывавший в употреблении пергамент. Раньше Дмитрий этого не замечал, а вот теперь вдруг обратил внимание. Стало быть, всесильное время с равным успехом глодало все сословия, не обходя стороной и людей, облеченных властью. Кто знает, может быть, их оно трепало даже в большей степени, подвергая незримым стрессам и сердечным недугам, с пугающей частотой укладывая в элитные клиники.

– Неплохо, Валерий Аркадьевич, спасибо. – Харитонов нехотя кивнул.

– А ты не спеши благодарить, не за что пока... – чи-

новник привычно переплел на животе пальцы, недовольно изогнул левую бровь. – Значит, говоришь, отдохнули? А чего тогда вашего Зимина вновь таскали по врачам? Никак занедужил?

– Было такое дело, – пробурчал Дмитрий. – Только все уже в прошлом, Валерий Аркадьевич. Вы же знаете, на Стасе все раны, как на собаке, заживают. А уж обыкновенные царапины – тем более.

Санин глядел пристально и давяще – так, что на секунду даже пришлось отвести глаза в сторону. Оба понимали, в чем тут дело. Валерий Аркадьевич был чиновником тертым, ложь чувствовал селезенкой.

– Я слышал – даже операцию ему делали? Видать, серьезными оказались царапины?

– Да что вы, какая там операция! Небольшой косметический ремонт. Он же у нас первый парень на деревне, любит быть красивым.

– И как ваш красавец чувствует себя теперь?

– Да лучше всех! Уже и бегает на своих двоих. – Дмитрий ощутил, что уши у него наливаются малиновым цветом – совсем как в далеком детстве перед суровым воспитателем. Между тем, он по-прежнему не очень понимал, к чему клонит многоопытный вельможа. По всему выходило, что знали в областном правительстве значительно больше того, что следовало знать высоким чиновникам. Разумеется, в восторг это

не приводило, хотя и удивляться особенно не стоило. Уж Дмитрию-то было хорошо известно о негласной разведке господина Санина. Вполне могло получиться и так, что о недавней командировке в далекое приуралье местные власти успели разузнать все до мельчайших подробностей. Чем это грозило, трудно было даже предсказать.

– Ладно, не буду мучить допросами. – Санин скорбно вздохнул, вновь пошевелил своими кустистыми бровями. – Скажу только, что рано вы, сударики, вернулись.

– Что, значит, рано?

– И рано, и не вовремя. Сам, небось, видишь, какие у нас дела завариваются. Пиарщики словно с цепи сорвались – лаются, как последние псы. Муратову тоже терять нечего, – буром попер на последний срок. Пожалуй, такого не было даже в прошлые выборы.

– Ничего не попишешь. – Харитонов пожал плечами. – Таковы сегодняшние политтехнологии.

– Причем тут политтехнологи, Дима! Сейчас – о вас речь идет, понимаешь ты это или нет?

– Честно говоря, не очень...

– И совершенно напрасно! – Санин с сопением завожился на стуле. – Ты вспомни, зачем я вас выпроваживал из города? Или забыл уже дело с «Мегадоном»? А там, между прочим, с вашей легкой руки много еще

чего обнаружили. Радиоактивные трубы с бетоном – полдела. Хуже, что чиновников больших задела.

– То есть?

– А ты не догадываешься? Ясно ведь, что все эти делишки покрывали крупные тузы. Вот на них и вышли ребята из ФСБ. Трясли жилищников со строителями, а столкнулись с мэрией и Москвой.

– Ну, а мы-то здесь причем? – Харитонов пожал плечами. – «Кандагар» в этом сраме участия, слава Богу, не принимал.

– Верно, вы только волну подняли. Столкнули лбами разъяренных быков и отошли в сторону.

– Не вижу в этом ничего плохого.

– А вот я вижу! – брови Санина вновь сердито сошлись на переносице. – Ты, Димочка, все время забываешь, в какой стране живешь. Между тем, у нас по голове бьют не того, кто вредит и ворует, а того, кто доносит на вора. «Доносчику первый кнут!» – слышал? Это, к сожалению, про вас. А в деле «Мегадона» оказалось замешано такое количество коррумпированных сановников, что о какой-либо справедливости даже говорить не приходится. Ваш Марек знал, что делал. Я тоже сначала думал, что завозить из Чернобыля стройматериалы – чистейшей воды авантюра, а как познакомился со списком участников махинации, сразу сообразил, что никакого серьезного разби-

рательства не будет.

– Неужели даже ФСБ спасовало?

– А ты полагаешь, там работают одни кощеи бессмертные? Нет, Дима, они тоже не боги, и над ними хватает своего начальства.

– Но если заведено уголовное дело, если есть пострадавшие...

– Не обольщайся, Дима. – Санин сумрачно вздохнул. – В сущности, и дела, как такового уже нет. Да и какое там дело, если главный свидетель уже через пару недель удавился.

– Марек?

– В том-то все и дело! Был Марек – и сплыл. Утром вошли в камеру и нашли висящим под потолком. Как видишь, дотянулись даже в спецкамере ФСБ. Рассказать он, разумеется, успел немало, но что толку? Бумаге веры нет. Мелочевку, конечно, сгребли, но главные фигуранты остались на воле. Включая и тех, что участвовали в ночной охоте на прохожих.

– Значит, никого из охотников так и не взяли? – Дмитрий даже не пытался скрыть потрясения. – Они же людей, как белок шмаляли, на спор убивали! Неужели им все сойдет с рук?

– Ну, не совсем так. Попугать их, конечно, попугали, и на допросы еще не один десяток раз выдернут, но... – Санин неловко поежился. – В конечном счете,

следует признать, пострадали лишь те двое, которых вы шлепнули в Дворянском Гнезде. К слову сказать, и этого оказалось вполне достаточно. Достаточно, я имею в виду для вас.

– То есть?

– А ты уже запомнил, кого вы пристрелили? Оба, если помнишь, довольно важные шишки. Один – председатель пенсионного фонда «Эгида», второй – сын заместителя министра по коммунальным услугам. Но кроме этих двоих были еще и другие. Даже Марек называл далеко не всех.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, – тяжело заговорил Валерий Аркадьевич, – что опасность еще не миновала. Людишек, что точат на вас зуб, осталось немало. Большинство, конечно, поджали хвосты, но есть и такие, что, не моргнув глазом, пойдут на крайние меры. Уж поверь мне, им это вполне по силам.

– Верить-то верю, но есть ли в этом какой-либо смысл?

– Да нет, конечно! – Санин громко фыркнул. – Только ведь месть, Дима, всегда была делом глубоко бессмысленным. Чеченцы мстят нам, мы им, – и так на протяжении нескольких тысячелетий... Вы, ребята, на мозоль наступили – и не абы кому, а людям, которые к подобному обращению не привыкли. Амби-

ции – штука серьезная, а значит, скоро вас не забудут.

– Что же прикажете нам делать?

– Не прикажу, а посоветую. – Первый заместитель председателя областного правительства сумрачно вздохнул. – Вам, Дмитрий, следовало еще месяц-другой позагорать на теплом взморье. Не нужно было возвращаться так рано. Сейчас же самый пик бархатного сезона! Повалялись бы на песочке, пивка бы попили... А уж надумали возвращаться, так сидели бы тихо, не высовывались!

– Да мы вроде ничего такого, тихо сидим...

Санин устало махнул рукой.

– Знаю, как вы сидите! Через день в драку бросаетесь.

Дмитрий рассеянно дернул себя за ухо.

– Слушайте, Валерий Аркадьевич, мы ведь давно друг друга знаем. Ну, к чему ходить вокруг да около? Я ведь не мальчик!.. Что-нибудь с выборами не то?

Хозяин кухоньки мрачно кивнул.

– И с ними в том числе. Думаешь, почему все мечут вокруг икру – в газетах, на телевидении? Да потому что жареным пахло. Считай, впервые конкуренты подобрались к самой глотке правящей партии. А проигрывать им никак нельзя. Бюджет-то наполовину разворован. Вот Муратов и закусил удила – решил идти ва-банк. Деньги вбухивает в выборы такие,

что ежу понятно – на попятный уже не повернет. Потому как понимает: ему теперь либо на нары, либо снова в мэрское кресло. Других вариантов нет.

– Так может, еще не выберут?

– Куда же он денется? – Валерий Аркадьевич досадливо поморщился. – Само собой, выберут! Во всяком случае, во второй тур он проходит однозначно.

– А кто еще проходит?

Санин пожал плечами.

– Еще, судя по всему, пройдет некий Потапенко...

– Ваш человек?

– Не то чтобы мой, но поддержку от меня получает. Словом, мужик неплохой и процент сорвет приличный, однако в схватке с Муратовым все же не выстоит. То есть шансы, конечно, есть, но мизерные. Публика – она ведь как была, так и осталась дурой. А Муратов научился манипулировать людьмишками. Как ни крути, сидит у власти уже более десятка лет, все местные СМИ под ним. Да и душа российского электората к переменам никогда не тяготела. Дряхлое да старое – оно завсегда привычнее. В общем, помани мое слово – выберут снова Муратова.

– Но политологи пишут...

– Они пишут то, за что им платят. Ты меня лучше слушай. – Валерий Аркадьевич чуть ослабил ворот рубашки, поворочал шеей. – Мы, конечно, окажем

Потапенко всяческую поддержку, но ситуация такова, что мэр все еще сильнее. На первом туре он сознательно не дергается, а, между тем, в рукаве у него самый сильный козырь – пенсионеры и бюджетники. Уж их-то он погонит к урнам, выстроив как солдатиков по ранжиру. И, конечно же, победит. – Чиновник сурово взглянул на Дмитрия. – Ну, а чем это вам грозит, надеюсь, ты понимаешь. Сразу после выборов встрепаются все ваши бывшие недруги.

– А если Муратов проиграет?

Санин в сомнении покачал головой.

– Это, Дмитрий, уже из области фантастики. Уж я-то этих выборов посмотрелся на своем веку вволюшку – знаю, как они проводятся. И не удивлюсь, если в процессе предвыборных дрызг попробуют использовать и вас.

– Это как же?

– А так! Поднимут дело с тем же «Мегадоном», трупы какие-нибудь покажут по телевизору, показания стариков, выселенных из радиоактивных квартир, и вы же окажетесь во всем виноватыми. Еще и область за собой потянете. – Санин сердито передернул рыхлыми плечами. – Так что зря вы, Дима, вернулись. Честное слово, зря.

– Что же нам – насовсем уезжать из города?

– В идеале именно это вам и следовало бы сделать.

Я ведь не просто так помянул тех убиенных в Дворянском гнезде. Связи у них оказались не просто хорошие, а чрезвычайно опасные. Иные ниточки тянутся аж в Кремль! Словом, быстро они не успокоятся. Тут, Димочка, не один год надо ждать.

Харитонов нахмурился.

– Вы знаете что-то конкретное?

– Увы, конкретного ничего нет, пока кормлюсь исключительно слухами... – Валерий Аркадьевич порывисто вздохнул. – Но слухи из таких источников, что поневоле приходится верить. А потому добрый вам совет: закрывайте свой «Кандагар» и срочно присматривайте другое место. Если надо, я и губернатора подключу, – он твоих ребят еще помнит, наверняка поспособствует. Подыщем вам другой городок – потише и поспокойнее, зарегистрироваться поможем. А старое здание, если хотите, могу взять во временную аренду. Еще и денег поднакопится к вашему возвращению.

Дмитрий вновь припомнил лежащую на ковре гранату, вяло покачал головой.

– Нереально. У нас же здесь все хозяйство: жилье, друзья, семьи... Кроме того, если им очень приспичит, могут достать и в другом месте.

– Верно, могут достать и в другом, только здесь им это сделать намного легче.

– Это почему же?

– Да потому что вся власть, считай, у них. А после выборов станет еще хуже. Вы и пикнуть не сможете, – открутят головы, как куренкам.

Дмитрий хмуро взглянул на свои переплетенные пальцы.

– Значит, советуете бежать?

– Советую, Дим. От души советую. Это ведь только на время. А годика через три-четыре смело возвращайтесь. Настанут новые выборы, придет новый мэр.

– Спасибо за совет, Валерий Аркадьевич. – Дмитрий начал было подниматься, но чиновник проворно ухватил его за рукав.

– Ты пойми меня правильно, Димочка, мы ведь тоже не всесильны. Там, где на вашей стороне закон, поможем без проблем, но ты ведь сам знаешь, в какие игры вам приходится играть. Потому и правил тут никто соблюдает. Сегодня пожмут руку, улыбнутся в лицо, а завтра наймут команду подонков и отобьют почки. И никакой губернатор тут уже помочь не сумеет.

– Я подумаю, Валерий Аркадьевич.

– Подумай, Дим, подумай.

Чувствуя на себе напряженный взор первого заместителя председателя областного правительства, Харитонов покинул уютную кухню. Знакомыми лестницами спустился вниз, без особого энтузиазма полю-

бывался на себя в роскошное зеркало. Кожа на лице пергамент еще не напоминала, однако былой свежести Дмитрий в себе не усмотрел. Все стареем, – подумал он. – Стареем и по-прежнему воюем...

Уже в вестибюле, в кармане рассерженным жуком завибрировал сотовый телефон. Заранее поморщившись, Дмитрий поднес трубку к уху. Это оказался Шебукин. Напряженным голосом Михаил объяснил, что кое-что стряслось и будет лучше, если Дмитрий срочно подъедет к ним.

Ни переспрашивать, ни удивляться Харитонов не стал. Такой уж выпал сегодня денек, и недоброе утро обещало столь же недобрый вечер.

Глава 4

Все получилось гораздо проще. Стукнув костяшками пальцев в боковую дверцу, Стас прижал к окошечку сработанные на принтере стодолларовые фальшивки, и фокус-покус удался, – стекло послушно поползло вниз.

– Тебе чего, керя?

Стас нагнулся, пытаясь заглянуть вглубь салона, но, увы, было слишком темно. Как он ни всматривался, разглядеть удалось только крупный нос сидящего возле окна лысого усача.

– Ломит, брателла, спасу нет. Выручай, а?

Вертевшаяся на языке фраза о девочке на ночь, так и не родилась. Может, оттого, что, едва глянув в холодные, узко посаженные глазки лысого типа, Стас нюхом почуял: прав Гуся – на все сто! Если здесь чем и торгуют, то никак не плотской любовью.

– Ломит, говоришь?

– А то! Не знаю, как до вас добрался. – Стас изобразил на лице страдание, даже чуть сгорбился. Впрочем, носатого это ничуть не проняло.

– Ты адресом не ошибся, родной?

– Да вы чего, в натуре! Был ведь уже у вас. Только вы тогда в Октябрьском стояли. Теперь пацаны под-

сказали, будто сюда перебрались. А мне, понимаешь, в лом уже терпеть. – Стас пошелестел купюрами. – Ты смотри, если мало, могу добавить. Бабок-то как раз навалом...

Лысый приоткрыл окно пошире, настороженно скосил глаза, пытаясь изучить пространство за спиной Стаса. Впрочем, будь за Зиминим верные товарищи, при таком дожде вряд ли он сумел бы что-нибудь рассмотреть. Но, видимо, к какому-то решению лысый типчик все же пришел.

– Что ж, давай сюда свои денежки, поглядим, как помочь твоему горю.

Стас с готовностью протянул пару бумажек.

– Хватит?

– А у тебя никак еще есть?

– Ну, если нужно добавить...

Дверной замок неожиданно щелкнул. Лысый изобразил радушную улыбку.

– Какой же базар под дождем? Ты давай залазь сюда, тут, под крышей, все и обговорим...

О такой удаче Стас не мог даже мечтать, однако для приличия все же немного помялся.

– Я вообще-то думал, это в машинах делается.

– А я тебя куда зову? Не в машину, что ли? Ты вообще поменьше думай, братан. Голову с мозгами береги. – Осклабившись, лысый типчик приветливо рас-

пахнул дверцу. – Ну, давай же, залазь. Или испугался чего?

Стас Зимин втиснулся в салон, плюхнулся на мягкий плюш. Разворачиваясь, успел все же бросить взгляд на заднее сиденье. Марат не соврал, – там расположилось еще двое: мужчина и совсем сопливая девчонка. Надо сказать, довольно смазливая. А может, только так выглядела. Пухлые губки путаны были ярко подмалеваны, глаза подведены чем-то ядовито синим, веки присыпаны серебристыми блестками. Хотела, наверное, походить на снежную королеву, но вместо этого стала похожей на вурдалака из старых черно-белых фильмов. Впрочем, кто их знает современных путан, – может, и впрямь косила под вампиришу. Иные мужички клюют именно на таких.

– Ну, вот, кореш, тут и потолкуем. – Лысый захлопнул дверь и, видимо, в ту же самую секунду обменялся с сидящими позади условным знаком.

– Не рыпайся, барашек!

Шеи Зимина коснулась отточенная сталь, и лысый разом стер с лица приторную улыбку.

– Только дернись, вмиг на куски покромсаем.

Стас Зимин послушно замер.

– Да разве я дергаюсь! Сижу спокойно.

– Вот и сиди... – Лысый надвинулся на Зимина рыхлым туловищем,. – Ты что же творишь, канюк воню-

чий? Или хочешь, чтобы мы тебя прямо здесь опустили?

– Ничего я не хочу! Чего вы, ребятки! За что?

– Хочешь, чтобы я тебе растолковал? – Глаза у лысого блеснули масляным нездоровым блеском, и, пожалуй, только сейчас Зимин окончательно уверился в правоте Гусли. Не зря полицейский сделал стойку на этих ребят, – кое-что в этой жизни лейтенантик, действительно, понимал. Во всяком случае, можно было биться об заклад, что обладатель лысины знаком с наркотическими веществами не понаслышке.

– Вы чего, мужики! – Стас чуть шевельнулся, проверяя силу руки, держащей нож. Увы, перышко держали крепко. – Что я вам сделал-то, в натуре?

– В том-то и дело, что ничего, кореш. – Лысый поднес к лицу Стаса руку с деньгами, тряхнул фальшивыми купюрами. – Ты чего нам принес, фуфел дешевый? Или думал, проканает твоя липа?

– Что дали, то и сунул... – Стас уже сграбастал рукоять «Гюрзы» в кармане, мысленно успел порадоваться тесноте салона, в котором разглядеть его движение было крайне затруднительно.

– Ты нам лапшу-то не вешай! Ща поставим на колени, дадим десяток пинкарей в грудянку и отвалишь отсюда готовым инвалидом.

– Да с чего вы взяли, что это липа?

– А с того, родной, что этими пальчиками, – лысый демонстративно потер перед носом Зимина подушечками большого и указательного пальцев, – я любую лажу враз просеку. Без лупы и банковских детекторов.

– Чего ты с ним базаришь, Гур! Это же мент, сразу видно. Сначала приятеля подослал, теперь сам появился.

– Вот и я смекаю точно так же, – кивнул лысый, и глазки его блеснули нездоровой желтизной. – Потому и голосовал за то, чтобы малость задержаться. Печенкой чуял – еще какой-нибудь лох явится.

– А если бы зондеркоманда прикатила?

– Какая, на хрен, зондеркоманда! – лысый презрительно фыркнул. – Нет у них зондеркоманд! Не тот бюджет и не те паханы. Уж ты мне поверь, это чистой воды самодеятельность. На понт брали, козлики! Кто-нибудь из местной шпаны.

– Тогда чего теперь с ним делать?

– А теперь, ребятки, если вы такие сообразительные, то мы с вами поговорим чуточку иначе! – Стас дернул плечом, отводя лезвие в сторону, вскинул руку с пистолетом, уперев ствол в переносицу сидящего позади крепкогрудого мужичка. Лысый попытался было дернуться, но свободной рукой Зимин хлестнул его по глазам – не смертельно, но довольно чувствитель-

но. – Нишкни, гнида! А ты, клопик смуглявый, бросай нож – и побыстрее, я человек нервный.

Нож, дрогнув, упал на пол, дамочка на заднем сидении заметно напряглась, лысый же яростно тер глаза, размазывая по лицу текущие слезы.

– Еханный бабай! Ты же мне зрение попортил!

– Хуже будет, если попорчу что-нибудь другое.

– Ты кто такой, урод?

– Уроды это вы, а я приятель того мента, которого вы положили. – Стас говорил наобум, яростно желая, чтобы слова его оказались неправдой.

– А мы-то тут причем?

– Притом, что вышел он не на кого-нибудь, а на вас. Вот и шлепнули его.

– Так это... Может, жив он еще.

– Где он?! – Стас нажал пистолетом, до предела вдавив затылок крепкогрудого пассажира в плюшевое сиденье. – Где, спрашиваю?

Ему показалось, что трое обменялись быстрыми вопрошающими взглядами – словно на телепатическом уровне совещались друг с дружкой, спешно сочиняя версию для незваного гостя.

На этот раз заговорил Гур. Слезы из глаз у него продолжали еще течь, но пугаться он, кажется, не собирался.

– Слушай, кореш, может, поговорим спокойно?

У тебя ствол, у нас десяток бойцов. Чего ты сразу в бочку-то полез? Можно ведь и договориться.

– Это с кем же мне договариваться? С тобой?

– Хоть бы и со мной! Ты просто не понимаешь, на кого попер.

– А мне это, Гур, знать необязательно. Где мой приятель? В кусты забросили?

В тишине, следовавшей за его словами, отчетливо щелкнул взводимый боек.

– Мы его в багажник сунули. Оглушили малость, связали и сунули... – лысый выдавил это едва слышно. На миг опустил глаза. – Послушай, братан, давай поговорим спокойно.

– А я спокоен! Злым вы меня еще не видели. – Стас Зимин оглядел всю троицу цепляющим взором, рассеянно причмокнул языком. – А ведь, пожалуй, придется вас и впрямь кончить. И не хотел, а придется.

– Да ну? – пропел с заднего сиденья крепкогрудый. – Тогда позаботься сначала о собственной могилке.

Стас быстро взглянул на него. Очень уж уверенно говорил громила – без тени сомнения в сказанном. Наверняка, исполнял обязанности местного начохра. И костяшки – с характерными припухлостями на костяшках, явно набитые на мешках и спортивных макиварах. Грех, такого оставлять за спиной, – может, наверное, и изувечить. А то и убить. И бедного Гу-

слю тоже, скорее всего, убил он. Не оглушил, а именно убил. Зимин не видел еще тела, но внутренний голос подсказывал ему, что он не ошибается. Псы, говорят, тоже чуют смерть на расстоянии. Вот и он чуял. Со всем как пес...

Зимин порывисто вздохнул. Снова накатил смертный холодок, и грудь омыло арктическим ветром. И, непрощенное, мелькнуло перед внутренним взором одутловатое лицо Гусли. Честный мент, трудяга и неудачник по жизни, Гусли и смерть принял скверную. Хотя так ли уж скверно для полицейского сгинуть от рук бандита? Воин, погибший в бою, – счастливый воин. Таким прямая дорога в рай. А впрочем, все это одна философия, ничуть Стаса Зимина не утешавшая. Умер человек – и человек хороший. В итоге пустячная операция грозила обернуться нешуточной бедой. Вернее, уже обернулась. Кто-то должен был за это ответить, и Стас точно знал, что к своим прежним церковным свечам ему придется добавить еще одну. А то и две...

Пистолет по-прежнему смотрел в переносицу широкогрудого, и все, что требовалось от Зимина, это лишь чуточку тронуть податливый спуск. Именно это он и проделал, действием опережая работу рассудка, опережая внутренний стон. Выстрелом шарахнуло по ушам, брызнувшая кровь угодила в лицо девицы,

заставив ее взвизгнуть. Владелец лысины, побледнев, с ужасом взглянул на Зимина.

– Ты... Ты зря это, браток, сделал. Очень даже зря...

– Да что ты говоришь! – все с тем же каменным выражением на лице Стас перевел пистолет в его сторону.

– Тебя же из-под земли достанут! На собственных кишках повесят!

– Кто же вы, интересно, такие? – Стас улыбнулся одними губами. – Или крыша крутая? Наперед уверены, что любого подомнете?

Лысый Гур глазами показал в сторону девицы.

– Вот она подомнет. И не лыбься! Она и есть наша крыша. С ней теперь договаривайся, если сумеешь.

– А надо ли договариваться?

– Это Мариночка, – с придыханием произнес лысый, – дочь нашего мэра.

– Муратова? – брови Зимина поползли вверх. Он был готов ко многому, но не к такому. Оказывается, и его можно было чем-то удивить.

– Вот именно, кореш! Кто бы ни были твои хозяева, уж ее-то ты, хрен, переплюнешь. Потому что уже завтра ее папаша поднимет на ноги всех ментов города. Надо будет, и прокуратуру привлечет, и сыскарей из ФСБ. А уж тогда поймают в два счета. И даже

не поймают, а найдут. Где-нибудь в вонючем канализационном колодце – с проломленной головой и отрезанными конечностями...

Бывший спецназовец ударил говорившего без замаха. Все той же тяжелой «Гюрзой». Хрустнула чужая переносица, глаза лысого типа обморочно закатились, лицо с костяным стуком ткнулось в руль. Чуть помешкав, Стас коснулся пальцами его шеи, – сердце у Гура не билось.

– И чего ты этим добился? – сидящая на заднем сидении Мариночка зло прищурилась.

– Тишины, – коротко ответил Стас. – Не люблю лишнего треп.

– Значит, будем молчать?

– Отчего же? – Зимин, развернувшись, пристально взглянул на вельможную преступницу. – Вот с тобой-то, душенька, мы и поговорим.

– О чем?

– Да о чем хочешь, – например, о пропавшем полицейском, о твоих нынешних друзьях, о той дряни, которой вы здесь торговали... – Стас перевел дыхание. – Чем народ травил, Мариночка? Героин, метадон или экстази?

Мариночка разлепила пухлые красивые губки и словно пушечное ядро послала в Стаса матерное слово – грубое, совершенно не женское. Было ясно,

что юное создание не боится никого и ничего – в том числе и собственного папеньку. Оттого и занялась бизнесом, за который в иных странах по сию пору рубили на площадях головы. Рука Стаса сама дернулась к прелестному личику, однако в последний момент «кандагаровец» сумел остановить удар. Довольно было и того, что, завидев летящий в ее сторону кулак, девица испуганно дернула головой. Папенька там или не папенька, а очко у дюймовочки было все же не железным.

Судорожно вздохнув, Стас закрыл глаза. Все так же не разлепляя век, процедил:

– Откуда же вы, суки такие, беретесь? Ты ведь даже не начинала еще жить. И уже малюешь себя дегтем.

– Чего ты гонишь, урод! Какой деготь! Что сам-то что в жизни понимаешь?!

Зимин раскрыл глаза, взглянул на девицу, словно на чудище, вынырнувшее из затхлого пруда. На языке крутилось много чего злого, но он снова сдержался. Ничего бы она не поняла. Даже, наверное, не услышала бы. Черствая попалась девочка. И абсолютно глухая...

Глава 5

Гаражик казался ветхим, давно отслужившим свое инвалидом. И не гаражик даже, а сарайчик, склепанный из тонюсеньких досочек. Ему и в прежние времена, должно быть, доверяли исключительно домашнюю рухлядь вроде старых кастрюль, сломанных велосипедов и подобранного на свалке железного хлама. Теперь же в нем жили исключительно мыши да приبلудные псы. Может, изредка забредали на ночлег поддавшие боярышниковой настойки бомжи, да справляли нужду дворовые малолетки. Лишенная замка дверь давно болталась на одной петле, а в узкое окошко свободно задувал ветер, однако от небесной мороси сарайчик еще спасал.

– Это что же, и есть ваш хваленый маньяк? – морщась от запаха тряпок, старого рубероида и прогорклой пыли, Харитонов шагнул в темный угол, носком туфли ткнул в литое плечо насильника.

– Он самый.

– А ее сюда зачем принесли? Он что, убил ее? – Дмитрий кивнул в сторону лежащей на отдалении девушки. Рот у нее был заткнут платком, глаза завязаны, руки стянуты на животе куском веревки.

– Да живая она! Живая! – Мишаня все еще прижи-

мал платок к кровоточащему лицу. – Что ей сделается, курве ненормальной! Еще и защищать его пыталась.

– Так это вы ее, получается, связали?

– А то кто же! И не хотели, а пришлось.

– Это у них, типа, игра такая оказалась. Садо-мазохистская... – неохотно пояснил из-за спины Мишани Юрий Пусвадет. – Я так понимаю, этот урод ее разок оприходовал, а ей понравилось, вот и решили продолжить театр. Она, значит, в роли жертвы, а он – насильник.

– Хорошая игра, – Дмитрий кивнул. – Главное – в духе времени.

– Да уж не КВН какой-нибудь. Все предельно натурально. Поймал, избил, вставил, – и никаких, понимаешь, обид.

– Так может, и насилия никакого не было? Я имею в виду других обиженных?

– Да было! Чем хочешь, клянусь! – Юрий истово перекрестился. – Я ведь за ним давно наблюдаю. И эксгибиционизмом постоянно занимался, и мастурбировал прямо на глазах девчонок! А когда в настроении, то и в кусты студенток затаскивал. Кого отпускал – бывало и такое, а с кем, видно, и договаривался.

– Я так думаю, – подал голос Мишаня, – он у них вроде домового стал. Может, даже, привыкать уже начали.

– Вот-вот! – поддакнул Юрий. – Я с одной студенточкой толковал, так она мне следующее выдала: мол, насильников кругом как грязи, все равно не убережешься, так пусть уж лучше будет свой – ласковый. Этот, по крайней мере, не прирежет.

– Веский аргумент! – с кривой усмешкой Дмитрий оглядел мясистые ноги лежащего. – Вот он, значит, какой – местный донжуан – добрый да ласковый. А чего же он тогда физиономию Мишане попортил?

– Да не он это, – девка его чокнутая. – Юрий сердито кивнул в сторону потерпевшей. – Едва глаза не выцарапала за своего кобеля.

– Да ну?

– Точно! – Шебукин кивнул. – Могла и убить. Точно пантера накинулась! И кулаками била, и ногтями полосовала. Она ведь не из студенток – постарше будет, вот я и думаю: может, этот козлик первый сумел ее ублажить, а я весь кайф поломал. Женщины такое не прощают.

– Да уж, женщины за любовь на все способны... – рассеянно подтвердил Харитонов. Склонившись над пленником, рывком перевернул мужчину на спину. Лицо у насильника оказалось разукрашенным ссадинами и синяками, из разбитой губы сочилась кровь, заплывший глаз сиял лютым пламенем.

– Вижу, красиво поговорили! – оценил Дмитрий. –

А результат?

– Ноль целых, хрен десятых, – пробурчал Мишаня.

– Плохо! Нам ведь с вами нужно чистосердечное. И обязательно явка с повинной. Иначе все дело расползется по швам. – Дмитрий скривил губы. – Эй, чувырло, слышал меня? Готов подписать чистосердечное признание или нужно с тобой толковать более обстоятельно?

Разбитые губы чуть приоткрылись. Пленник набрал полную грудь воздуха, и кровавый плевок едва не угодил на брючину Дмитрию.

– Я тебя живьем схавая, мент поганый! Хрен тебе, а не чистосердечное!

– Ишь, ты! Еще и ругается! – Дмитрий покачал головой. – А ведь ты, братец, действительно, животное. Даже странно, что до сих пор никто тебя в зоопарк не упрятал. Видно, придется нам этот изъян исправить.

– Только дай подняться – по стене размажу!

Челюсти Харитонova окаменели, на скулах вспухли злые желваки.

– А ну-ка, развяжи его, Мишань! – отрывисто приказал он.

– Да ты чего? Он же буром поперет! Вон, какой кабан!

– Я сказал: развяжи!

Нож Шебукина полоснул по веревкам, и Михаил торопливо отшагнул в сторону. Прогноз его тут же оправдался. То ли настолько насильник уверовал в собственные мускулы, то ли наблюдался у него неполадок с мозгами, однако, едва вскочив, он тут же ринулся на Харитонову. Неизвестно, на что надеялся этот буйвол, но затяжного боя не получилось. Начальник «Кандагара» и не думал церемониться с насильником. Нога его футбольным финтом подбила правое колено атакующего, заставив обрушиться на грязные доски. Когда же детина поднялся повторно, Дмитрий ударил еще сильнее – на этот раз уже по левой ноге. Что-что, а бить он умел, – взревев раненым зверем, громила вновь опрокинулся навзничь, завопил на половицах, поджимая под себя пылающие от боли конечности.

– Вот так, братец, – наставительно произнес Дмитрий, – и это только начало! Потом будет хуже. Так что выбирай: либо ты колешься, либо момент истины для тебя никогда не наступит.

Лежащий на полу молчал.

– Понял тебя, – кивнул Дмитрий. – Мира не хочешь, а хочешь большой и чистой славы. Ну, так мы это тебе устроим – и знаешь как? Пригласим журналистов и покажем тебя по телевидению. Расскажем о всех твоих геройствах, продемонстрируем фотогра-

фии Юрика. А там, глядишь, другие жертвы откликнутся, добавят к твоему послужному списку дюжину лишних эпизодов.

– Вы ничего не докажете!

– А мы и доказывать ничего не будем. Пиар – он и есть пиар. Все исключительно ради вашей известности, сэр. Народ должен знать своих героев в лицо. Устроим телешоу, подождем чуток и отпустим. – Дмитрий хмыкнул. – Не думаю, что после нашей передачи ты долго погуляешь по улицам родного города. С таким беспокойным хозяйством в штанах долго на свободе не живут.

Насильник демонстративно отвернулся, снова сплюнул – на этот раз уже в дощатую стену.

– Ну? И чего теперь делать будем? – в голосе Юрия сквозила тоска. – Ментам сдавать, – засмеют. А дамочка еще и обвинение предъявит. За нападение на своего хахаля.

Дмитрий хмыкнул.

– Боишься, что посадят?

– Посадить – не посадят, но позору точно не оберемся. Да и этому уроду ничего не сделают. Помурыжат в обезьяннике, полупщуют дубинками, да и выпнут вон. На кой он им сдался?

– Тоже правда... – Дмитрий поморщился. Еще раз оглядев сарайчик, невесело кивнул. – В общем, так,

ребятки: эту девицу развязываем и везем в больницу к знакомым лепилам. Как ни крути, а ноженьку ей все же подранили, вот и надо лечить.

– А с ним что?

– С ним еще подумаем что делать. Маньяки они все ласковые до поры до времени. А как свернут первую шею, так и входят во вкус. – Харитонов покачал головой. – Чую, нельзя его просто так отпускать.

Преданно глядя в лицо своему начальнику, Шебукин согласно кивнул.

Глава 6

Наркотики обнаружили в «Тойоте» – в той самой машине, в которую забрался совсем недавно дружок заказчицы. Собственно, их даже искать не пришлось. Поглядев в хмельные глаза клиента – смазливового молодца с рыжеватым чубом надо лбом – Стас сграбастал его за грудки, бесцеремонно рванул к себе, хлестнул по щеке. Паренек замычал что-то бессвязное, и в лицо Зимину пахнуло острой мятой – либо корвалол, либо валокордин. Хорошенькое дельце! Этак еще концы отдаст, не доехав до заказчицы.

– Ты что, валидол ему давала?

– Он сам, – девица, находившаяся в машине с клиентом, испуганно приподняла ладони, словно защищаясь от бешеного взгляда Зимина. – У него с сердцем что-то, вот и пьет лекарства.

Стас вновь взглянул в глаза обладателя чуба, с удивлением покачал головой. Значит, обитали на свете и такие чудики! По всему выходило, что этот сердечник параллельно с наркотиком принимал и лекарства. Надо полагать, подстраховывался, умник!..

Он снова тряхнул его, жестко хлестнул по щеке.

– Давно на игле, придурок?

Голова молодца замоталась, как у тряпичной кук-

лы, но отвечать он не собирался. Более того – на губах его расплылась блаженная улыбка идиота.

– Да ты посмотри на него, он же никакой! – фыркнул Марат. – Ножом режь, не почувствует.

– В самом деле... – обрывая пуговицы, Зимин рывком закатал на рыжевatom альфонсе рукава, распахнул рубаху. Они не ошиблись, хотя на этот раз перед ними были не исколотые вены, а нечто другое. Поженски белое плечико клиента украшал маленький невзрачный пластырь коричневого цвета.

– Однако! Вот это фокус!.. – Стас обменялся с Маратом многозначительными взглядами. Привычно вынырнув из кобуры, все та же «Гюрза» плавно подплыла к личику перепуганной девицы. – Давай, курочка, выкладывай весь свой боезапас! Найдем сами – хуже будет!

– Мальчики, только не убивайте! Я же ничего такого!..

– Вот и поторопись.

Произнесено это было таким тоном, что девица тут же зашуршала тряпками, достала неведомо откуда автомобильную аптечку. Там, в пухлом пакете среди обычных пластырей они обнаружили несколько десятков клейких квадратиков. Стас с подобными штучками сталкивался не впервые, а потому пояснил опешившему Марату.

– Потому и не нашли ничего у лысого. Искали шприцы с героином, а это совсем иной марафет.

– Честно говоря, впервые вижу, – признался Марат.

– Это гуантол. Еще одна синтетическая дрянь. Кажется, изобрели недавно в Польше, а потом уже к нам привезли.

– Ну вот! Мало нам было Афганистана с Колумбией, – еще и Польша подключилась!

– Польша тут ни при чем. Сейчас, Маратик, этим бизнесом занимаются все, кому не лень. Тем паче, что синтетические наркотики становятся с каждым днем дешевле и дешевле, а по силе они значительно злее. Скажем, тот же гуантол немногим уступает героину. При этом запаха практически нет, потому и собаки на границах ничего не находят. Да и пользоваться им куда как просто.

– Это как же?

– А вот так, – раньше дозы фитюлями назывались, а теперь – пластырями. Срываешь целлофановую упаковку и лепишь на любую часть тела. Хоть на задницу, хоть на лоб. Все чисто и стерильно, никакого СПИДА с гепатитом. Прямо через кожу и начинает всасываться. Чуть медленнее, чем от шприца, зато и действие более пролонгированное. С одной дозы можно чуть ли не несколько дней балдеть.

– Так ведь свихнешься!

– Правильно. Поэтому те, кто поумнее, используют эту дрянь на двоих, а то и на троих. Каждый час передают пластырь соседу. Ну, а те, кто совсем без башни – кайфуют по-полной. В конце, говорят, крыша настолько едет, что могут и на четвереньках по улицам бегать, и под машины сигать, и стекло грызть. Короче, ни черта уже не соображают.

– Вот, уроды! – Марат скрипнул зубами. И непонятно было, кому адресовал он свое ругательство – изобретателям нового наркотика, самим наркоманам или хозяевам стоянки. Самого же Стаса более всего разъярил труп Гусли, который они действительно обнаружили в багажнике соседней иномарки. До самого последнего момента Зимин еще надеялся, что хозяйка «стоянки» воздержится от крови, но, увы, получилось именно так, как подсказывало ему чутье. Наверное, лейтенант чем-то себя выдал, а может, сунулся слишком близко. Как бы то ни было, в руки он им не дался. Скорее всего, даже сумел вырваться и побежал. Тогда-то и выстрелили ему вслед. Из израильского пятнадцатизарядного «Ерихона», который позже Марат выдернул из-за пояса широкогрудого мужчины. По крайней мере, убийца ненадолго пережил свою жертву, хотя это и не могло их существенно утешить. Маленькую дырочку на теле Гусли Зимин обнаружил, только перевернув полицейского на живот.

Крови почти не было, однако подлая пулька дело свое сделала, перебив позвоночник и застряв где-то в передней части грудины. Наверное, туда и хлынула основная часть крови – в разорванные ткани и лопнувшие от гидравлического удара легкие.

– Дети-то у него есть?

– Да вроде нет. Он ведь рохля по жизни был, стеснительный. Все жениться хотел, а бабы его стороной обходили. – Глядя на лежащего в багажнике Гуслю, Марат мазнул рукавом по лицу – может, влагу дождевую стирал, а может, и слезы. – Брат у него, помню, был, – тоже в ментовке работал. Неплохой мужик, но выпивать пристрастился. Вот и уволили к чертовой бабушке.

– Плохо, – Стас качнул головой. – Значит, невезуха у них – фамильное...

– С невезухой как раз все понятно, нас всех везунчиками не назовешь. Я другое не пойму, – они же мента грохнули! Реального лейтенанта! И все равно остались на стоянке.

– Значит, и впрямь приборзели. – Зимин нехорошо прищурился. – Все-таки Мариночка – крыша не из рядовых!

– А ей-то чего не хватало? – взорвался Марат. – Могла бы под папиным крылышком жировать, за рубежом каждый месяц кататься, в ресторанах сутками си-

деть.

– Так уж устроены люди, что обычной пищи им всегда мало. – Стас глянул на раскрасневшегося коллегу. – Людям, Марат, остренького хочется, перченого и запретного. Вот и эта красавица предпочла зарубежью наш захолустный криминал. Наверное, попробовала, разок – и понравилось. Кто знает, может, даже она эту стоянку и придумала. Видал, как все хитро обставили! В машинах исключительно девочки, и никому невдомек, что с клиентами они не сексом занимаются, а исключительно сухой коммерцией.

– Либо совмещали, – задумчиво произнес Марат.

– Как ты сказал? – Стас бросил на коллегу быстрый взгляд. – А ведь верно! Самый простой путь. Быстренько перепихнулись, а между делом пластырь на задницу прилепили. Ясно, что через недельку клиент снова причапает за добавкой.

– Думаешь, Мариночка тоже этим балуется?

– Вот уж навряд ли! Скорее всего, пробует отраву поблагороднее. А может, вообще блюдет себя в чистоте. Разве ты еще не понял? Она ведь не зарабатывать сюда бегают, а людьми управлять. Это для нее, Маратик, не просто бизнес, а форма существования. Видал, как она с нами разговаривала? Как с быдлом. Даже когда я ее дружков грохнул, глазом не моргнула. Значит, видела уже подобные картины. Может, и сама ко-

го-нибудь на тот свет отправляла.

Зимин рассеянным движением надорвал очередной пакетик с гуантолом.

– А знаешь, сбегай-ка к ней да прилепи на запястье. Пусть порадуетса жизни напоследок.

– Ты что, хочешь ее...

– Да ничего я не хочу! – огрызнулся Стас. Тут же и остановил коллегу. – погоди! Сам налеплю. Незачем тебе лишний раз перед ней маячить.

– Послушай, если ты действительно собираешься ее грохнуть...

– Не плачь раньше времени, я ничего еще не решил! – Зимин стиснул кисть клиента с такой силой, что тот немедленно заскулил. – Бери-ка лучше этого барашка и вези на нашей тачке к заказчице. Про наркотики ей ничего не говори, скажешь только, что вырвали из лап крашеной выдры. В это ей легче будет поверить.

– А ты?

– А я следы подчищу. Вернусь чуть позже.

– Но ты... Ты точно не натворишь глупостей?

Стас глянул на Марата так, что друг поневоле отшатнулся.

– Ты чего, чумной? Я же о тебе пекусь! И о ребятах, между прочим. Лысый правду говорил: если ты мочканешь эту лахудру, мэр действительно поставит го-

род на уши. Думаешь, так уж сложно будет нас вычислить?

– Думаю, что нет.

– Вот видишь...

– Ладно, иди. Деньги заказчица нам уже выплатила, так что будет лучше, если своего любимого обормота она получит в целости и сохранности. А я тут придумаю, как быть и что делать. – Зимин вздохнул. – И не паникуй, не трону я твою Мариночку...

Глава 7

Все было проделано быстро и безжалостно. Человек по имени Гуслин Степан Александрович остался лежать бездыханным под кустами акации на некотором удалении от «стоянки любви», Мариночка со связанными руками сидела в «Ситроене», а из пробитого бензобака «Тойоты» тугой струйкой продолжал вытекать высококачественный бензин. Смешиваясь с накрапывающим дождем, он фыркал искрами и все никак не желал загораться, и все же упорство Зимина было, в конце концов, вознаграждено, – очередной щелчок зажигалки воспламенил горючее, и, подхватившись озорным пламенем, сияющая дорожка протянулась к обреченной машине. Пряча зажигалку в карман, Стас бегом вернулся к «Ситроену», и очень вовремя. Именно в эту секунду позади гулко ахнуло, жаром опалив затылок, чувствительно толкнув в спину. Юркнув в кабину, Зимин выхватил трофейный «Ерихон», торопливо опустил стекло. Дождь продолжал хлестать по земле, но бушующий факел, в который превратилась иномарка, небесным хлябям было не потушить. Стало светло, как днем, однако и этого Стасу показалось мало. Он включил многочисленные фары «Ситроена», и мертвенно-синий свет уда-

рил по сгрудившимся машинам, по спящим тут и там фигуркам людей. Глядя на них, Зимин подумал, что не мешало бы их поторопить, и, выставив в окно руку с израильским пистолетом, открыл бешеный огонь. Бил, целясь по фарам и колесам. Людей на этот раз не трогал, а у них хватало ума-разума не оказывать сопротивления. Впрочем, мужиков тут и не было, всего-то трое и вылезли на свет божий, – и те, очень может быть, охраной не являлись, приехав сюда за очередной дозой гуантола. Девицы же выглядели совершенно ошалевшими и, щурясь от яркого света, с визгом разбегались кто куда.

Между тем, «Ерихон» продолжал грохотать и грохотать. Хорошая штука – полновесная обойма! От резкой отдачи кисть Стаса даже чуточку заломило. Так или иначе, но «Тойота» свое дело сделала. От нестерпимого жара полыхнула стоящая бок о бок с нею потертая «Девятка», а следом вспух огненным облаком бежевый «Опель». Выплюнув последний патрон, затвор «Ерихона» отчетливо клацнул, встав в крайнее положение.

– Хорошо стреляешь! – оценила Мариночка.

– Есть немного...

– Где научился?

– Какая тебе разница? Свет не без добрых людей, – нашлось, кому научить. – Чуть поразмыслив, Стас

бросил пистолет на сидение рядом с собой. Конечно, лучше было бы избавиться от оружия вовсе, но опасная игрушка могла еще пригодиться...

– И все-таки ты не мент, верно?

– Разве это что-нибудь меняет?

– Ну, это как знать...

Он обернулся к пассажирке. Личико девахи оставалось спокойным, в темных глазах расплывалась призывная истома. Оно и понятно, – переменилась ситуация, переменилась и тактика. Увы, орешек Зимину попался твердый, хоть и с откровенной гнильцой. Так или иначе, но бушующее снаружи зарево Мариночку нимало не смущало. Как говорится, не те нервы и не то воспитание. Поколение росло крепкое, сантиментов и жалости напрочь не ведающее. По этой части могли, пожалуй, утереть нос и Стасу, и людям более крутого замеса. А Мариночка – что ж... Достойное дитя своего времени, только и всего! Наверное, и собственных родителей могло проводить в последний путь без единой слезинки. Еще и повеселится от души на поминках...

– И что теперь, господин поджигатель? – она глядела на него с нескрываемым вызовом, полные губы слегка раздвинула, показав полоску белых зубов. Ни дать, ни взять – фотомодел ь с обложки глянцевого журнала. Впрочем, стервочка была и впрямь привле-

кательная. То есть, была бы, если бы не глаза. Зимин любил глаза живые, с человеческой искрой, – Мариночкины глаза больше удивляли, чем грели – все равно как огромные стразы. Что-то было в них от животного зрака – не то волчьего, не то рысьего. Таковую, наверное, и целовать – все равно, что решаться на харакири. Так, верно, глядела на своих обреченных любовников царица Клеопатра... Впрочем, изучающий взгляд Зимина девочка поспешила истолковать по-своему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.